

Тема, затронутая в статье Елены Жосул [«Церковноолбанский как предчувствие»](#), похоже, мало кого оставила равнодушным. Представляем мнение «с другой стороны»: так что же такое церковнославянский язык – второй родной для верующих людей или средство «ухода от реальности»?

Елена Жосул в своей статье высказывает ряд положений, которые иначе как мифами назвать сложно. Один из мифов – что перевод на русский нужен только новоначальным. Другой – что люди, желающие молиться по-русски, непременно ленивы и дело лишь в этом. А «Царство Небесное нудится», поэтому пусть учат церковнославянский – трудятся для Бога. Поскольку я не новоначальная и мое желание молиться на русском очень слабо связано с ленью, хочу ответить Елене на ее несправедливые обвинения в мой, в том числе, адрес.

Во-первых, у меня много знакомых, которым церковнославянский не помешал прийти в Церковь. И еще какое-то время не мешал. И вообще они не понимали, в чем проблема. А потом поняли. Кто-то прочитал корявый перевод на русский канонов из Октоиха. Кто-то поучаствовал в службе на французском, а французский у этой девушки второй родной язык, она выросла во Франции. Кто-то просто понял, что «понятность» церковнославянского иллюзорна. И все эти люди, уже пришедшие в Церковь, захотели более полно участвовать в богослужении. И именно поэтому захотели молиться на русском. Т.е. идея, что церковнославянский нужен (только) новоначальным – совершенно ложная. Скорее, он нужен воцерковленным, которые хотят полноценно участвовать в жизни Церкви.

Вторая ложная, но почему-то владеющая умами идея, что изучение церковнославянского – это духовный труд и форма «нуждения» Царства Божьего. Нет, конечно, в каком-то смысле всякий труд духовен по сравнению с праздностью. Учить церковнославянский духовно полезней, чем бессмысленно сидеть в интернете. Не менее полезно вместо этого изучать английский, древнегреческий или даже «Фотошоп», выпиливать лобзиком, а также мыть посуду и сажать цветочки на клумбе под окном. Последнее, возможно, духовно полезней всего остального. Однако, при изучении церковнославянского, как и при изучении других языков, работает, в первую очередь, не дух, а мозг. Для того, чтобы выучить слова, склонения и спряжения, а также перестать путаться в синтаксисе, нужны память и умение выстраивать логические и ассоциативные связи. Духовный труд связан совсем с другим. С молитвой за неприятного тебе человека. С тем, чтобы воздержаться от разжигания ссоры. С покупкой бездомному гамбургера в «Макдональдсе». С отказом от беспокойства о том, что есть и во что одеваться. С оттаскиванием себя от «Фейсбука», в конце концов. Все эти поступки и правда требуют именно духовных усилий. А изучение церковнославянского само по себе – нет, не требует.

На самом деле, несмотря на стандартные обвинения желающих молиться на русском в поиске комфорта и удобства, душевные комфорт и удобство гораздо больше сопутствуют чтению молитв на церковнославянском. Слушаешь и произносишь поэтичные, загадочные, непривычные, инаковые слова, звучанием которых наслаждаешься (вот он – комфорт-то!), но которые тебя, по сути, ни к чему не обязывают. Любые комфорт и удобство заканчиваются в момент, когда пытаешься те же тексты читать по-русски. Они начинают настойчиво требовать к себе внимания. Каждое второе слово оказывается неудобным и неприятным и вонзается в тебя, как стрела. Спокойное благостное «николиже сотворих благое пред Тобою» превращается в жесткое «я никогда не сделал пред Тобою ничего доброго». В результате либо огорчаешься, либо не соглашаешься – в любом случае, понимаешь, что эта молитва тебе не по плечу, ты не соответствуешь ей. Возвышенное «Всем сердцем моим взысках Тебе, не отрини мене от заповедей Твоих. В сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе» превращается в страстное «Всем сердцем моим ищу Тебя; не дай мне уклониться от заповедей Твоих. В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою. (Пс.118:10,11)» и ставит перед тобой вопрос, а правда ли это так? Действительно ли я скрываю Слово Божие в своем сердце, чтобы не грешить? Действительно ли я люблю

заповеди Божии «больше золота и золота чистого»? В итоге к концу молитвы на русском часто чувствуешь себя пленником, который не может двинуться с места, потому что в грудь, в спину, с боков в него упираются сотни острых копий. И выход только один – вверх, к покаянию, к изменению! Хотя нет, не один. Можно снова начать молиться на церковнославянском и впасть в комфортный летаргический сон.

Поясню слегка про летаргический сон. Как-то раз я в пионерском лагере стала терять сознание. Мы в этот лагерь ехали-ехали долго, по жаре, нас не кормили с утра, и когда мы приехали, нас еще долго держали в каком-то предбаннике, то ли чтобы выдать нам одежду, то ли чтобы всех записать – не помню. На этом фоне передо мной замелькали цветные пятна и точки, окружающий мир стал куда-то отдаляться и уплывать, в глазах потемнело... а дальше я внезапно пришла в себя от отвратительного резкого запаха. Я увидела залитую солнцем поляну в окне, людей рядом, протягивающих мне стакан с чаем и вообще – мир. Я вернулась к реальности, практически воскресла. И все благодаря резкому, противному, совершенно непоэтичному запаху нашатырного спирта, который вернул меня к реальности.

Так вот. Русский язык в богослужении – это именно такой нашатырный спирт. Он может быть неблагозвучным, непоэтичным, неприятным, обыденным, но он отлично возвращает к реальности. К той реальности, в которую мы верим. И к той реальности, в которой мы живем. Он напоминает, что это, по сути, одна реальность, что Бог здесь, рядом. Проблема церковнославянского даже не в том, понятен текст или нет. Часто он непонятен, но дело не только в этом. Совершенно понятный текст «Христос воскрес из мертвых смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав» стал для меня не более понятным, но более ярким, более реальным, когда я во время Пасхального крестного хода в этом году стала петь не «мертвым во гробех живот даровав», а «мёртвым во гробах жизнь даровав». Возможно, с чьей-то точки зрения текст потерял в поэтичности. Но ко мне пришло яркое осознание реальности. Реальности того, что не каким-то поэтическим инаковым «мертвым» в поэтических нездешних «гробех» Христос даровал загадочный «живот», а самым настоящим мёртвым, чьим-то близким, среди которых в том числе моя мама, в самых настоящих гробах, обитых поначалу шелком и бархатом, а сейчас, в этот момент гниющим в кладбищенской земле, дарованы воскресение и жизнь.

Ради этого постоянного осознания самых значимых событий в человеческой жизни я и хочу молиться по-русски. И никакие русские подстрочники мне не помогут. Потому что они расщепляют сознание, а не делают его цельным. При параллельном переводе внимание рассеивается между русским переводом и церковнославянским текстом. И никакая зубрежка церковнославянских слов не поможет. Потому что не только в словах там дело. Все равно язык не родной и родным не становится, даже если учить его двадцать лет. А когда что-то говоришь или слушаешь на неродном языке, даже при полном понимании, оно все равно часто воспринимается как что-то потустороннее. А уж при неполном... Нет ничего хуже для молитвы, чем рассеянное внимание, возникающее при постоянном информационном шуме в виде «непщевати» и других неясных слов и выражений. Нет ничего хуже для осознания реальности, для пребывания с Богом здесь и сейчас, чем такая модная сегодня «многозадачность» при заглядывании в русский подстрочник.

В книге «Второзаконие» Бог говорит Израилю: «И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая; и навязки их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих». В каком-то смысле, наше богослужение, чтение молитв и Писания являются такими «повязками над глазами», либо выражающими нашу веру, если она горяча, либо помогающими нам актуализировать ее. Однако, даже прекрасно зная, что означает «Вонмем!» и «Премудрость, прости!» я не могу воспринять это как реальный призыв к действию. Банальные «Слушайте!» и «Соберитесь, сейчас мы услышим Премудрость Божию!» дадут мне намного больше. С церковнославянским как богослужебным языком проблема состоит в том, что Бог обращается к нам через богослужение – потому что оно и составлено именно так, чтобы мы во время него общались с Богом:

слушали Бога, говорили с Богом, радовались Богу, вспоминали то, что Он для нас сделал, восхваляли Его за это, восхищались Им – а мы не слышим. Но единственное, что мы можем сейчас, – это телесно общаться с Ним. То есть быть на уровне младенцев, которые могут только брать грудь и агукать, да чувствовать, когда им тепло, холодно, мокро, сухо. Не от этого ли и Литургия не является для нас «общим делом» – младенцы предельно эгоцентричны? Не от этого ли и проблема расцерковления, когда хочешь расти в общении и отношениях с Богом, но при этом именно на службе, которая изначально служила именно росту, постоянно остаешься в положении младенца и расти можешь только за ее пределами? Потом человек вырастает и уходит. И дело совсем не в лени, а в том, что невозможно сделать церковнославянский родным себе языком. И главное – смысл?

В статье Елены много претензий к современным реалиям: к интернету, айфону, роликам в «Ютубе» и плотно забитому расписанию современного жителя мегаполиса. Скажу честно – мне все это тоже не нравится. У меня нет айфона, я редко смотрю что-то на «Ютубе» и ненавижу плотно забитое расписание. Я бы хотела жить в XIII веке в Западной Европе, сидеть дома, заниматься шитьем, носить тунику и блии и говорить на старофранцузском, а по воскресным дням ходить к мессе в храм в соседнем квартале. Но я живу в XXI веке в России, работаю на портале «Предание», говорю и думаю на русском языке и мотаюсь в храм в центре, живя на окраине. Да, не повезло. Но я думаю, не случайно Бог судил мне жить именно здесь и сейчас, а не там и тогда. Ведь Сам Он здесь и сейчас в любой стране в любую эпоху, а значит, здесь и сейчас мы можем быть с Ним.

Елена считает, что церковнославянский поможет нам уйти из современного поверхностного мира к Богу. Но главная проблема современности не в айфоне самом по себе, – а в уходе от реальности, жизни в виртуальном мире. И эту главную проблему церковнославянский язык не решает, а усугубляет. Он точно так же способствует уходу от реальности, как и «Фейсбук». Он создает свою особенную виртуальную реальность, не связанную с подлинной реальностью нашей жизни. В каком-то смысле он больше похож на «олбанский», чем нормальный русский язык. В том смысле, что это в лучшем случае специфический сленг «для своих». Но Бог пребывает именно в настоящей реальности и именно в ней обращается к нам. И какая разница, чем заткнуть себе уши – наушниками от айфона или словами «николиже» и «непщевати», – если через это не слышно, что Бог говорит тебе здесь и сейчас?

Татьяна ЗАЙЦЕВА, историк, филолог, богослов, сотрудник портала [Предание.РУ](http://predanie.ru),

14.06.2014г.

<http://prichod.ru/aktualniye-voprosy/14691/>